АНАТОЛИЙ НОВЫЙ

Аномальный район

Анатолий Новый

Аномальный район

«Издательские решения»

Новый А.

Аномальный район / А. Новый — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836383-2

В книгу включены два рассказа о рождении нового человека и новой жизни.«Страшная сказка для взрослых»: родители отправляют мальчика на летние каникулы к деду… в лес, где мальчик встречает ведьму…«Аномальный район»: в военном посёлке люди начинают пропадать и сходить с ума. После полной эвакуации госбезопасность направляет в район спецбригаду для изучения и ликвидации таинственного опасного явления…

ISBN 978-5-44-836383-2

© Новый А.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Страшная сказка 7
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Аномальный район
Анатолий Новый

© Анатолий Новый, 2017

Редактор Наталья Вячеславовна Архипова

ISBN 978-5-4483-6383-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Это полностью авторский вариант книги с особым смыслом. Ведь книга всегда является самовыражением автора. Авторская книга делает это со всей полнотой и передаёт особую магию автора и то, что он хотел сказать. Здесь авторская орфография и пунктуация, немного отличающаяся от общепринятых правил.

Страшная сказка для взрослых

Хочу предложить вашему вниманию, уважаемые читатели, рассказ, который я начал писать около 12-ти лет назад и который мне почему-то захотелось назвать «Страшная Сказка для взрослых». Возможно, в само́м рассказе и в его названии есть что-то символичное, не знаю точно, что именно, догадываюсь, что есть связь с нынешним временем. Эта сказка не выдумана, приснилась, пришла сама. До сих пор мне не удавалось её завершить. Теперь думаю, что завершу в процессе изложения, ведь надо же когда-то завершать начатое. Итак, читайте, слушайте.

Февраль, 2002г.
А. Новый

* * *

Ванюше исполнилось 13 лет. Возраст критический, когда бурно начинают протекать процессы созревания в организме мальчика.

Родители решили, что в этом возрасте будет полезно Ванюшу отправить на летние каникулы к дедушке в лес, где дедушка жил лесничим всю свою жизнь, поэтому сам он тоже был заросший бородой и космами, угрюмый на вид и неразговорчивый, словом, дремучий, как лес. В лесу деда с кривой палкой, служившей посохом, можно было запросто принять за лешего.

Домик лесничего находился глубоко-глубоко в лесу на полянке. Дорогу туда никто не знал, кроме деда и, может быть, самого дьявола. Поэтому родители Ванюши изредка по надобности вызывали деда, пользуясь лесной почтой. Стоило только в условленном месте на опушке леса бросить письмо в дупло старого коряжистого дуба, напоминавшего самого деда, и почта дальше срабатывала сама собой безотказно. В указанное в письме время возле того дуба неизменно, откуда-то появлялся дед, да так внезапно, словно вырастал из-под земли.

Последний раз родители Вани как-то воспользовались услугами деда года два назад, чтобы набрать грибов.

Лесничий молча махнул рукой, показывая, чтобы следовали за ним, и довольно скоро привёл на полянку, полную грибов. Пока корзинка наполнялась, он молча курил трубку, набитую какими-то листьями, от которых шёл кислый дым.

Потом он отвёл грибников назад, так как без него выбраться из леса было невозможно, не помогло бы ни солнце, ни компас с картой. Ходи хоть по азимуту, хоть по кругу, всё равно не выберешься. Но ещё не было случая, чтобы дед покинул своих спутников.

По родственной линии он был неродным дедом Ванюшиной мамы, то есть отчимом её покойной мамы. Звали деда Лёшей, а сколько ему было лет, – неизвестно. На работу лесником никто его не определял, денег он не получал, ни в какой конторе не числился, а просто жил себе в лесной избушке, которой только не хватало курьих ножек.

Несмотря на все странности деда, Марья Николаевна и Пётр Петрович всё же решили своего Ваньку отдать на лето деду для воспитания, так как характер Ванькин стал сильно ломаться, и не было с сыном никакого сладу, может, у деда угомонится.

На это решение Марью Николаевну подтолкнуло ещё одно важное обстоятельство: в округе стали пропадать дети…

* * *

В назначенный час родители стояли с Ванюшей у старого дуба, греясь на солнышке и слушая пение птиц. Пётр Петрович взглянул на часы, вскинув руку, потом достал из кармана папиросу, помял её, дунул в гильзу, чиркнул спичку и закурил. Марья Николаевна о чём-то мечтала. Ваня разглядывал в траве насекомых.

– Кхе-кхе, – неожиданно раздалось за спиной Петра Петровича.

Он вздрогнул от неожиданности:

– Чёрт старый, опять как из-под земли…, – повернулся к деду и протянул руку. – Ну, здорово, Лёша.

Однако дед не заметил этого жеста, а лишь молча кивнул на приветствие, отчего рука Петра Петровича осталась неловко висеть в воздухе. Спрятав руку в карман, Пётр Петрович перешёл к делу:

– Слышь, Лёша, у Ваньки летние каникулы начались, вот мы и решили с Марьей, може он у тебя побудет, ну, там здоровьем окрепнет, тебе подсобит, да ума наберётся, чо ему во дворе-то болтаться, а?

Тут дед поднял голову, в его щурых глазах блеснул огонёк, он хитро улыбнулся, кивнул головой, подошёл к Ваньке, всё ещё склонившемуся над травой, схватил его за руку и поволок за собой. Всё произошло так быстро и неожиданно, что Марья Николаевна и Пётр Петрович только рты пораскрывали.

– А-а-а, да что же это такое-то? Куда же они, Петя, а? Что же теперь будет-то? – закудахтала Марья Николаевна и бросилась было в догонку, но Пётр Петрович поймал её за подол цветастого платья.

– Да стой! Куда тя, дуру, понесло, догнать вздумала, как же! Ищи теперь ветра в поле! И добавил спокойнее:

– Да не бойсь. Дед надёжный. Пусть поучит Ваньку уму месяцок-другой, а там по почте вызовем. Пошли домой. И Марья Николаевна, утирая слёзы, покорно пошла за мужем.

* * *

Дед легко семенил в лаптях по лесной тропинке меж деревьев и кустарников, цепко держа Ваню за руку. Шли долго, очень долго, через ручьи, через овраги. И удивительное дело, как только они оставались позади путников, так сразу же исчезали, будто бы их и не было вовсе.

– Ну и дела! – то и дело почёсывал Ваня затылок свободной рукой.

Точно так же исчезала позади сама тропинка, зарастая высокой травой или кустарником.

Лес становился всё гуще, стало быстро темнеть. Ваня с трудом различал силуэты деревьев, что были поблизости, а в десяти шагах уже ничего не было видно, словно наступила ночь. Ваня устал, хотелось присесть отдохнуть, а ещё лучше лечь и уснуть даже прямо на траве в дремучем лесу, но он не привык хныкать и терпеливо поспевал за неугомонным стариком.

Ночной лес стал наполняться звуками: свистом, стуком, хрустом, писком, воем, – вместо того, чтобы быть тихим, он наоборот зашевелился, просыпался и наполнялся жизнью… Ухнул и пролетел над головами путников филин, сверкнув огромными жёлтыми глазами, как фарами автомобиля. Далёкий вой приближался, вот уже показалось с десяток маленьких зелёных огоньков, от которых исходил этот холодный вой. Огоньки приблизились совсем близко, раздалось рычанье и лязг зубов – это были волки.

Сердце Ванюши замерло, он затаил дыхание, тараща по сторонам глаза, им овладел страх.

– Фью-и-и-ть, фью-и-и-ть, – присвистнул дед и тихонько засмеялся смехом, похожим на хриплый кашель. В ответ послышалось многократное лязганье зубов, после чего зелёные огоньки стали удаляться. Волки убежали, словно испугались деда. Хоть его действительно можно принять за лешего скорее, чем за лесничего, но всё-таки он человек, и обычно ночью в лесу человек боится голодных волков, а не волки человека. А тут, на тебе, волки испугались деда и убежали прочь. Да, видимо, очень непростой этот старик Лёша, очень подозрительный старик.

Наконец Лёша замедлил шаги и, пройдя ещё немного, остановился. Скрипнула дверь, они вошли в избушку. Леша подвёл Ванюшу к деревянной кровати, и, уставший до изнеможения, мальчик упал на матрац, набитый вкусно пахнущей соломой, и в миг уснул.

* * *

Ваня проснулся от того, что лучи утреннего солнца упали ему на лицо. Он несколько раз махнул рукой, пытаясь отогнать солнечные лучи, но они упорно лезли прямо в глаза, и Ване ничего не оставалось сделать, как проснуться. Он зевнул, потянулся, протёр глаза и осмотрелся. Изба была маленькая и старая, бревенчатая. Одна комната с двумя окнами, в которых только и присутствовали признаки цивилизации: стекло и резные с узором рамы. На стене были часы с боем, которые давали о себе знать через каждые шесть часов. В противоположной стороне в левом углу тяжёлая деревянная скрипучая дверь, которая закрывалась изнутри на ржавый крюк. В трёх шагах от двери небольшая печь, на которой чернели три чугунных котелка. Справа – скособоченный и тёмный от копоти деревянный стол. Вместо стульев два пенька. Печь как бы служила перегородкой между спальней и кухней. На потолке по углам пауки раскинули свои сети.

Ваня отворил скрипучую дверь и вышел на крыльцо. Солнце ярко осветило полянку. Птицы пели на все голоса, в траве стрекотали кузнечики. Летали цветастые большие и маленькие стрекозы и бабочки. Природа радовала глаза. Мальчику сразу стало весело. Он почуял запах костра и пошёл на этот запах. Завернув за угол избушки, он увидел возле костра деда, который в чугунке варил какое-то зелье на завтрак.

Смирно сидевшая на крыше ворона, увидев Ваню, взлетела, беспокойно захлопала крыльями и громко закаркала, оповещая всю округу о появлении незнакомца.

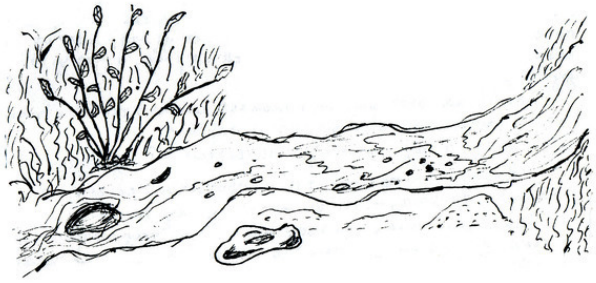
– Фью-ить! – присвистнул на неё дед, как она тут же умолкла, описала в воздухе круг и снова спокойно уселась на крышу, виновато поглядывая на деда. А тот уже накладывал варево в какое-то подобие мисок, они были грубо вырезаны из дерева. «Ну и посудка!» – подумал Ваня.

«Может её дятел выдолбил?!» Эта мысль ему очень понравилась, а вместе с ней и эти миски показались интересными, романтичными, не то что фабричный безжизненный штамп, – а ещё совсем «живая» миска.

Варево оказалось очень вкусным, напоминающим суп из щавеля. Ваня быстро осушил свою миску и, облизываясь, вопросительно посмотрел на деда, но тот, не отвлекаясь, сосредоточенно хлебал варево, тогда Ванюша решительно схватил черпак и наложил себе ещё чудесного варева, тут можно было заметить, что в дедовых щурых глазах засверкал хитрый, весёлый огонёк, даже он был не чужд гордости кулинара и радовался тому, как уплетал его похлёбку шустрый мальчуган. А тот облизывался уже после второй порции, как кот после сметаны:

– Спасибо, дедушка, здóрово ты варишь, меня мамка таким вкусным супом никогда не кормила. Дедушка довольно крякнул и сказал своим ржавым голосом:

– На здоровье. Миски в ручье ополосни – там, за кусточками.



Действительно, внизу за кустами бежал ручеёк. Чистая, прозрачная вода скользила по каменистому, песчаному дну.

Ванюша не любил заниматься этим грязным делом – мытьём посуды, и мать редко когда могла заставить его это делать дома, но при данных обстоятельствах после такого сногсшибательного супа, да эти причудливые кривые миски, да ещё в ручье, а не под краном… Словом, на сей раз его не пришлось уговаривать.

От ручья пахло свежестью и прохладой. Ваня наклонился к его зеркальной воде и не удержался, чтобы вдоволь напиться этой свежести. После этого мальчик пил только из этого ручья, дедушка Лёша заваривал ему и себе какие-то душистые травы, но пить их настой было не очень-то приятно; да и мать, бывало, когда Ваня болел, заваривала ему лечебные травы, но он их терпеть не мог. Ни в какое сравнение они не шли с ароматным бодрящим чаем, а чай у деда отсутствовал, поэтому Ванюша и подружился с ручьём, таким же шустрым и озорным, как он сам.

* * *

Дед с кривой палкой, ничего не говоря Ване, каждый день уходил до вечера в лес. Исчезал внезапно, как и появлялся. Как-то Ваня решил проследить, куда дед ходит и чем занима-

ется, и пошёл за ним крадучись, да не долго. Зашёл старик за куст, скрылся из виду, Ваня быстренько за ним, шасть за куст, а кругом пусто, словно спрятался дед, в прятки играть вздумал. Почесал Ваня затылок, решил поискать, кусты обследовать; каждую ветку просмотрел, но дед как в воздухе растворился. Вспомнил Ванюша, что старый хрыч-то непростой, не зря Лёшей зовётся, и в прятки с ним играть – дело гиблое. И появляется он как будто из воздуха, хоть во все глаза смотри, жди его появление, но не увидишь, чтобы он шёл откуда-то; сначала кряхтение его раздаётся, повернёшься на звук, а дед уже с другой стороны стоит.

Вот и на этот раз он появился именно так. Мальчик не сдержался от любопытства и спросил:

– Дед, а дед, ты откуда появляешься? Из воздуха?

– Кхе-кхе! – крякнул тот и проворчал, словно не слышал вопроса, – ты бы весточку родителям дал.

Ваня вспомнил, что родители что-то ему говорили про письмо, да про лесную почту, но он ужасно не любил писать, и обрадованно заявил, что у него нет ни бумаги, ни ручки, чтобы письмо написать.

– Иди в избу, там всё есть, – твёрдо ответил старикан косматый.

«Интересно, откуда же это у Лешего ручка с бумагой возьмутся?» – размышлял мальчик, входя в избу. На кривом столе действительно лежал лист старой, жёлтой от времени бумаги и настоящее перо в деревянной чернильнице, да вместо чернил был ягодный сок.

– Вот это да! – невольно воскликнул Ваня.

Перо дивной птицы блестело серыми и коричневыми узорами, оно было тоненьким и изящным, таким пером не грех было и письмо родителям написать:

«Здравствуйте, папа и мама! Живу я хорошо. Мне нравится у деда, хоть он и чудной какой-то. А какой он повар, ты ему, мама, в подмётки не годишься. Я такого супа, как у него, ещё ни разу в жизни не ел. Гуляю, сколько хочу; что хочу, то и делаю. В общем, жизнь-малина. Пока, родители, будьте здоровы. Иван.»

– — —

Родители были очень рады весточке от сына, что он здоров и с ним всё в порядке. Вот только о супе Марье Николаевне не очень-то понравилось, она чувствовала себя уязвлённой. А Пётр Петрович стал спокоен как танк и внутренне горд, что не зря ему дед понравился чем-то, и он не раз с удовольствием говорил жене:

– Ну вот, я же говорил, что дед надёжный.

* * *

Ваня никак не мог привыкнуть к таинственности деда, никак не хотел смириться с этим преимуществом старика.

«Подумаешь, – думал он, – исчезает, я вот тоже могу исчезнуть не хуже его, пусть поищет».

Когда Лёша с утра ушёл в лес по своим лесничим делам, Ванюша направился в сторону самого густого кустарника. Он упорно пробирался сквозь густые заросли; ветки царапали и больно хлестали по лицу. Увидев высокую крапиву, он, обжигаясь, забрался в неё, решив, что туда сам чёрт не заберётся. Долго там сидел Ванюша, пока не надоело, наконец он решил покинуть своё убежище, удовлетворённо размышляя о том, что слабó деду найти его здесь.

Ваня вышел на полянку и сел на кочку, радуясь окружающей природе. Над травой порхали маленькие и большие бабочки чудесной окраски, как вертолёты зависали на месте стрекозы, веял чуть-чуть прохладный ветерок, приятно обдававший исцарапанные лицо и руки.

Вдруг Ванюша почувствовал на себе чей-то жуткий прожигающий взгляд. Было совершенно ясно, что на него сзади смотрит какое-то страшное существо. Он резко обернулся,

но никого не увидел, только на дереве закачалась ветка, будто там за деревом кто-то прятался, а может быть, просто взлетела птица. Ванюша, наполненный непонятным жутким страхом бросился бежать домой. Бежал, не чувствуя дороги, куда глядели глаза, лишь бы подальше от того страшного места. Усталости не чувствовалось, был слышен сильный стук своего сердца, кровь бросалась в голову. Перепрыгнув с разбегу через ручей, мальчик узнал его. Он тут же умылся, загребая побольше холодной успокаивающей воды, которая остужала голову.

У избушки Ваню встретил нахмурившийся дед, всё время молчавший, а тут вдруг набросившийся на мальчика с упрёками:

– Зачем ты так далеко уходил, заблудиться хотел?! Лес дрёмный, тёмный, забредёшь – пропадёшь.

Лёша будто угадал тревожное состояние мальчика и нагнал на него ещё больше страху:

– Теперь я буду уходить в лес ночью. Ты должен уснуть, пока часы не пробьют полночь. Никуда не уходи, никому не открывай.

Ванюша непонимающе слушал его, но расспрашивать не решился, к тому же вряд ли из него можно было что-то вытащить, он и так сказал слишком много, теперь, наверно неделю молчать будет.

Вечером после ужина Лёша ушёл по лесничим делам на всю ночь, ещё раз предупредив Ваню, чтобы он уснул до полуночи. Но мальчугана, наоборот, это предупреждение очень заинтересовало: что же будет в полночь? Хоть и страшно, но любопытство пересиливало, поэтому никак не спалось.

* * *

К полуночи налетел ветер, нагнал туч, и хлынул дождь, как из ведра, барабаня по окнам крупными каплями. Наступила кромешная мгла. Тут часы громко пробили двенадцать раз. Дождь перестал, стихло. Мальчик напряжённо прислушивался и вглядывался в темноту за окном, кажется, там что-то есть, да вот залетали светлячки; жёлтые, красные, зелёные огоньки, они весело забегали по стёклам.

Ваня для начала спрятался под одеялом; осторожно высунув нос и тараща глаза, он завороженно наблюдал танец огоньков на стекле. Нет, это были не светлячки. Огоньки разнообразными искрами падали на окно, образуя замысловатый танец, и исчезали, а им на смену прилетали откуда-то другие. Мальчик, пересиливая испуг, решил выяснить природу этих огоньков. Он высунулся из-под одеяла и на цыпочках подошёл к окну. В тот же миг огоньки пропали, а за окном в лунном свете промелькнула какая-то тень, она метнулась в сторону и куда-то спряталась. Ваня в испуге отпрянул от окна и, дрожа всем телом, забрался под одеяло. Тень могла быть чья угодно – от ночной птицы до зверька какого, но она произвела на мальчика то же жуткое впечатление, которое он почувствовал на полянке, когда прятался, когда ощутил на себе чей-то прожигающий взгляд. Что-то общее было между тем взглядом и этой тенью, от них исходила одна и та же пугающая тревога, вселяющая в мальчика ужас. Он не знал, как долго дрожал под одеялом, он также не знал, что делать и не мог ничего делать. Страх подействовал парализующе. Бежать было некуда. Спрятаться больше негде.

Вдруг на стекле окошка отразилась та самая тень. Какое-то страшное существо, наводящее ужас, было рядом, за окном. Оно никуда не исчезало, наоборот, чувствовалось, что оно приближалось к окну. Ванюша замер, перестал дышать, ему хотелось кричать, но не мог и рта раскрыть, скованный жутким страхом. Лишь мысли его обратились к единственно возможному спасителю: «Дед! Где же дед?! Лёша, где ты?!» И тут откуда-то издалека послышался протяжённый знакомый свист: «Фью-и-и-ить, фью-и-и-ить». Тень остановилась, замерла и стала потихоньку удаляться, пока не пропала совсем. Спасительный свист уже был гораздо ближе. Ясно раздалось хлопанье крыльев, а затем и громкое карканье. Ворона приветствовала приближающегося деда, а может быть тоже, как и Ваня, ожила, сбросив с себя оцепенение от навалившегося страха. У мальчика отлегло от сердца: «Наконец-то. Дед.» Только теперь он ощутил всесильную усталость от пережитого напряжения и с глубоким успокоительным вздохом провалился в безмятежный сон. Он уже не слышал, как вошёл Лёша.

Утром Ванюша проснулся внезапно с вздрагиванием, словно очнулся от забытья. По вставшему солнцу было видно, что Ваня проспал намного дольше обычного. Так ведь и уснул-то гораздо позже. Он сразу вспомнил о том, что произошло ночью. Завтрак у деда как всегда уже был готов. Ворона встрепенулась и издала хриплое карканье, здороваясь с Ванюшей. Ванюша в знак приветствия ответил ей поднятой рукой. Между ними уже успели установиться дружеские отношения, и Ванюше не пришлось сооружать рогатку для вороны, как он любил это делать обычно. Видимо, эта ворона оказалась хитрее и сразу поняла

по характеру мальчика, чем для неё может обернуться непочтительное отношение, поэтому она упредительно выражала своё расположение к маленькому, но по всему видно, удаленькому гостю. В свою очередь Ванюша с уважением оценил необычные достоинства хитрой вороны. Она ему явно понравилась.

За завтраком Ваня понуро молчал. Не решился он рассказывать деду про ночное происшествие. Да и что он мог рассказать? Что до смерти испугался какой-то тени? Мало ли теней ночью может упасть на окошко. Может ветер деревья качал, ведь он ничего не видел. Дед тоже хмуро молчал, как и весь день. Лишь вечером уходя, предупредил, что на этот раз уйдёт ещё дальше и поэтому вернётся позже, как и в прошлый раз велел уснуть до полуночи. Но Ванюша и не думал засыпать. С самого утра он стал готовиться к предстоящей ночи. Он был уверен, что тень появится опять, обязательно появится. И Ванюша весь день собирал свою смелость, он решил пересилить страх. Действительно. Он был далеко не робкого десятка, наоборот, все в классе уважали его за храбрость, он был самым отважным хулиганом. Он первым в классе отважился закурить папиросу; вступал в пререкания с учителями, когда те кричали почём зря из назидательно-воспитательных целей; не боялся получать двойки за невыученные уроки, хотя то и дело получал от отца подзатыльники. На отца не обижался, относился к подзатыльникам с пониманием. Что поделаешь, такова обязанность отца – воспитывать. Он даже сочувствовал отцу, что тому выпала такая нудная обязанность выдавать подзатыльники. Мама всё причитала, охала, стыдила. Но всё это он совершенно пропускал мимо ушей. Поэтому ему было с родителями легко, это им было с ним трудно. Ну, стало быть, нелегка родительская доля. Особым уважением в школе Ваня пользовался за справедливость. Он всегда брал слабых под защиту, бесстрашно вступая в стычки даже со старшеклассниками, когда те отбирали у малышей монеты или развлекались издева-

тельствами над ними. Конечно, Ваня при этом бывал часто и крепко бит, но никогда не сдавался и брал настырностью и измором. Старшеклассники даже стали загодя обходить его стороной на всякий случай; уже знали, что с ним лучше не связываться, этот всю душу измотает, не отцепится, пока своего не добьётся.

Как только дед ушёл, Ванюша свистнул вороне и махнул рукой: «Давай сюда, разговор есть». Ворона не заставила себя звать дважды. Она описала в полёте традиционный круг почёта над домиком и взгромоздилась пред Ваней не пенёк, переваливаясь с лапки на лапку.

– Ну вот что, ночью, когда придёт эта, ну тебе виднее с крыши-то, кто там, так ты не сиди как цуцик, а кричи во всё своё воронье горло. Не давай этой покоя, шуму, шуму побольше, внимание отвлекай, а там и я нагряну. Поняла?

Ворона склонила недоверчиво голову набок, вращая глазом, словно говоря:

– А сам-то чего не каркал, небось, язык проглотил?

Мальчик уловил в её взгляде нерешительность и договорил:

– Да не бойся. Тебе больше ничего делать не надо. Только шуму побольше, а всё остальное я сам сделаю.

Ворона повернулась другим боком и завращала вторым глазом. Это означает, что Ванина решительность вселила в неё смелость, и она дала согласие:

– Раз ты такой смелый, так уж и быть, согласна пошуметь.

И она с шумом взлетела, громко хлопая крыльями, и пронзительно закаркала, показывая, как она будет шуметь: «Кр-р-р-а-а, крр-р-ра-а-а!»

Кричала она столь пронзительно и назойливо до противного, поэтому Ванюша поспешил взмахом руки успокоить её:

– Ладно. Так потянет.

* * *

На этот раз Ваня лёг не раздеваясь, готовый к боевым действиям, хотя никакого конкретного плана у него не было, он ничего не мог придумать и решил, что будет действовать по обстановке.

Он даже не заметил, как наступила полночь. Часы пробили двенадцать неожиданно и на удивление громко в ночной тишине. Казалось, никогда так громко они ещё не звучали, их бой прозвучал в ушах, в висках, во всём теле, вызывая особое незнакомое внутреннее беспокойство. Ваня напрягся, его дыхание участилось, он стал ждать. Да, вот оно. Начинается. Вот один огонёк, вот другой, ещё и ещё – синий, зелёный, оранжевый, ярко-красный. А вот целая россыпь огоньков градом забарабанила по окну. Теперь Ванюшу огоньки интересовали мало, он был нацелен на встречу с тенью. Чья эта тень, кто там за окном? Каким бы он не был страшным, страшно только вначале, главное ввязаться в бой. Он поднялся и попытался незаметно подойти к окну, надеясь ясно разглядеть напрошенного гостя. Но, как и в прошлый раз, при его приближении огоньки исчезли, и он опять успел заметить быстро метнувшуюся в сторону тень, туда, где она была вне поля зрения. Он вспомнил про ворону: «Чего же она молчит? Ведь ей с крыши должно быть всё видно». Ворона тут же отреагировала на его мысль. Она не то что бы закаркала, она попыталась справиться с оцепенением и издала хриплое глухое кряхтенье, пытаясь закаркать: «Кхх-р-р-р, кхх-р-р-ря». Наконец голос у неё прорезался, и она пронзительно и на удивление даже визгливо закаркала: «Кр-р-ри-и-ай, кри-и-а-а, к-к-рх…» Её необычное карканье оборвалось, как будто она поперхнулась и глухо захрипела, затем по крыше покатился какой-то комок и мягко упал на землю. Воцарилась тишина. Сердце Ванюши забилось сильнее, громче. Что с вороной? Что произошло? Кто там в ночной темноте? Кровь сильно била в голову, мальчик с трудом пересиливал страх. Он стоял у окна, оглядывался и ждал, что же будет дальше. Вдруг он

услышал, как скрипят тихонько половицы крыльца за дверью. Там кто-то есть. Дверь Ваня предусмотрительно запер изнутри на крюк. Вот дверь тихонько подёргали, но она не поддавалась, запор не пускал. Страх усиливался новой накатывающейся волной. Мальчик замер в ожидании. Вот дверь опять подёргалась, потом всё затихло. И тут раздался осторожный скрип старого металла. Это зашевелился крюк. Как он мог зашевелиться? Ваня вдохнул воздуха всей грудью, резко метнулся к двери, схватив приготовленную возле печи кочергу, чтобы тут же пустить её в ход. За дверью всё стихло. Этот «кто-то» отлично видел или чувствовал все передвижения Вани. На окне опять забегали разноцветные огоньки. Мальчик быстро метнулся к окошку. Опять он заметил исчезнувшую тень за углом. А через некоторое время скрип крыльца и тихое позвякивание крюка повторились. Ваня снова занял оборонительную позицию возле двери. Снова тишина, затем постукивание огоньков по окошку. Ваня подождал подольше, а затем в прыжке бросился к окну, попытавшись застать зловещую тень врасплох. Но на этот раз получилось наоборот, он не застиг даже никакого мелькания тени. Тишина, никаких шевелений, даже ни ветерка. Ваня внимательно вглядывался в ночной подлунный полумрак. Как вдруг он вздрогнул от звука выскочившего с лязгом из кольца крюка. Дверь приоткрылась. Зрачки глаз мальчика в ожидании стали расширяться. И тут усилили свой бой часы, мерно пробив шесть часов утра. Дверь закрылась. Ваня очнулся от оцепенения и на волне откуда-то взявшейся храбрости, вооружённый кочергой бросился в атаку. Он выскочил на крыльцо, резко открыв дверь плечом, оставалось ещё закричать «ура». На крыльце он осмотрелся. Кругом стояла утренняя свежесть, лучи раннего солнца стали просачиваться сквозь верхушки деревьев. Тишина, покой, птичий щебет. Ваня понял, что никакой опасности больше нет. Он быстро успокоился, вдыхая свежесть утренней красоты и безмятежности. Тут он вспомнил о вороне, о том, как она странно каркала, а потом с крыши что-то свалилось. Он побежал за дом, под окошком посмотреть. И чуть не наступил на ворону, она лежала с закрытыми глазами, поджав лапки. Сердце мальчика сжалось от жалости: «Эх, воронушка, что она с тобой сделала эта тень. Ну тень, теперь я с тобой разберусь.» Он осторожно поднял бесчувственную ворону. Надо было её похоронить. Закапывать не хотелось. Мальчик нашёл приметный куст, соорудил гнёздышко, положил в неё свою подругу и прикрыл ветками. Лишь после этого он сам ощутил тяжёлую усталость и уснул не раздеваясь.

* * *

Марья Николаевна что-то забеспокоилась. Сны какие-то лесные стала видеть и про Ваню вспоминает. Всё охала:

– Ох, что-то неладное у меня на душе. Не приключилось ли что с Ваняткой. Он же такой озорной, вечно в какую-нибудь историю попадёт.

– Да не бойсь, – успокаивал её Пётр Петрович, – дед-то надёжный.

А самому тоже передалось тревожное беспокойство от его жены, и он ходил из комнаты на кухню и обратно, мял папиросу, долго и основательно готовил её, затем выходил на лестничную площадку и курил.

– Слышь, Петруша, может письмо отнесёшь, пусть вертается Ванятка-то, довольно ему уж там.

Но Пётр Петрович не любил лишних, как он считал, женских хлопот и поэтому возражал:

– Угомонись, Марья, угомонись. Что ты сразу будоражишься?! Вот увидишь, всё будет как надо.

Как бы ни было, у Петра Петровича в качестве успокаивающего кредо в ходу всегда была эта фраза «всё будет, как надо». Но в этом и заключается сила его кредо – знать не обязательно, важно верить, что будет как надо. Жена чувствовала силу и справедливость этой веры и никогда не спорила с мужем. Ведь даже если что-то складывалось не так, то фраза всегда была устремлена в будущее, в котором всё будет, «как надо». С эти было трудно спорить.

* * *

Дед опять уходил надолго, он так и не спросил мальчика о вороне, исчезновения которой он не мог не заметить. А сам Ванюша был подавлен жалостью и чувством вины за произошедшее. Ведь это он уговорил ворону создать побольше шуму. Мог ли он знать, чем это обернётся?! Молчаливый дед, похоже, всё понимал, он лишь пристально посмотрел на Ванюшу каким-то особым тёплым взглядом, сочувственно и ушёл. Но почему он тогда уходил? Если всё понимал, то почему оставлял Ваню одного наедине со страшной тенью, наедине со страхом? Конечно если бы дед не ушёл, то и бояться было бы нечего, но тогда и тень не пришла бы. Ваня смутно понимал, что должен победить тень сам, иначе она всегда будет преследовать его. Он вдруг понял, почему в окру́ге пропадали дети. Ведь лес рядом. Эта тень забирала их. Значит он должен победить тень, чтобы защитить других малышей, за которых он всегда заступался. Вот что значит быть по-настоящему сильным и храбрым. Это значит пересилить свой страх и сражаться до победы. А пререкаться с учителями, грубить им, насмехаться над одноклассниками, устанавливая свою власть, всё это только показуха. Это всё тот же спрятанный страх. А здесь в лесном одиночестве его некуда прятать и не на ком утверждаться. Вот и ворону, свою новую подругу подвёл, потому что сам испугался вступить в открытый бой.

Такие мысли укрепили мальчика, он обрёл ещё бо̀льшую решимость. Теперь отступать было некуда. Даже пришло доселе неведанное необычное спокойствие, как перед последним боем, когда приходится сказать себе: «Вперёд и будь что будет!»

Когда часы пробили полночь и появились огоньки на окошке, Ваня даже поприветствовал их: «Ага, привет, ну что начнём!» Вооружённый кочергой он спокойно, почти открыто подошёл к окну и отчётливо увидел убегающий силуэт тени. Он сильно разволновался. Человек это или не человек? Кто это? Он ничего подобного не видел. Силуэт походил на какого-то сказочного духа.

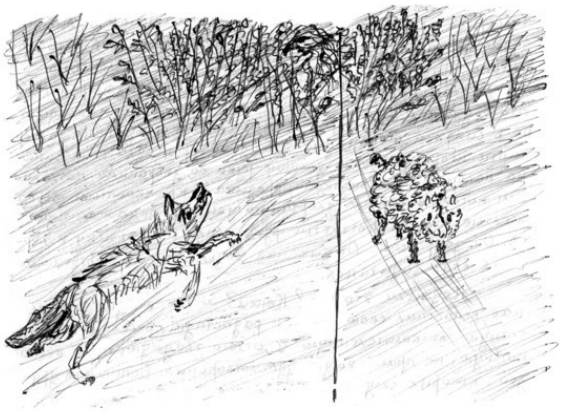
– Этого ещё не хватало! Кто-то меня явно дурачит. – Подумал Ваня, в духов он не верил, считал, что они только в сказках, чтобы детей пугать.

В этот момент дверь подёргалась, затем зашевелился крюк сам по себе. Ване стало не по себе от такого нахальства. Этого он никак понять не мог и ещё больше обозлился

на неведомого фокусника. Ведь всё непонятное после страха вызывает злобу, хочется отыграться, чтобы скрыть свой страх. Ваня ринулся к двери, сам сбросил крюк и ногой открыл дверь. Им владело смешанное чувство, но прежнего безотчётного страха уже не было. Он выскочил на крыльцо. В 20-ти шагах от него быстро убегал к кустарнику тёмно-синий силуэт. Даже не убегал, а плыл по воздуху. Это была ведьма. Длинные лохматые волосы развевались по ветру, которого не было в ночной тиши, по крайней мере совершенно не ощущалось. Полупрозрачное тело, переходящее в развивающуюся внизу одежду, похожую на накинутую мантию, уплывало в кусты. Ваня смотрел как заворожённый. Он ещё не успел как следует испугаться, поскольку всё ещё не мог понять, не мог до конца поверить в происходящее. Ведьма никак не укладывалась в его голове. Из-за избушки почти неслышными шагами выбежала собака. Откуда собака? Нет, это не собака, – волк. Он остановился и уставился на Ваню своими зелёными глазами. Волк не был страшнее ведьмы, но Ваня не знал, что с ним делать. Его сознание ухватилось за спасительное и привычное представление о собаке, и Ваня почти бессознательно, машинально указал рукой в сторону кустарника отдал команду:

– Фас. Взять. Взять её! Фас!

Вдруг волк оскалил зубы, зарычал и, подчинившись команде, устремился за ведьмой. Вот он исчез в кустах. С замиранием Ваня ожидал, что же будет. Из кустов что-то выскочило и стало двигаться навстречу мальчику.



Ваня шире раскрыл глаза, ужас овладел им, пройдя холодной дрожью по коже. Это бежал заблеявший неправдоподобно воздушно-белый барашек. И это всё, что осталось от волка?! Барашек бежал и блеял, будто жаловался:

– Что ты со мной сделал?

Ваня затрясся от ужаса, до него наконец дошло, что всё происходит по-настоящему. Всё. Ведьма, волк, барашек – всё настоящее. Он услышал стук своих зубов и бросился в избушку. Судорожно закрыл дверь на крюк. В голове гудело, он престал что-либо соображать. Был один только страх, сильный концентрированный страх, доходящий внутри до парализующего чувства ужаса. Было явное ощущение, что даже волосы на голове встали дыбом. Ваня замер в ожидании, занося над головой кочергу для удара. Дверь подёргалась. Затем зашевелился крюк.

– Ну, сейчас… – пронеслось в голове у Вани. Но дальше ничего не последовало. Попытки открыть дверь прекратились и всё стихло. Ваня вслушивался в тишину, ожидая новых действий. Но произошло то, чего мальчик никак не ожидал. С сильным шумом от мощного порыва ветра распахнулись створки окна, и в него подобно дыму вошёл тёмно-

синий силуэт ведьмы. Она плавно приближалась. Огненно-красные глаза прожигали ужасом насквозь и заставляли столбенеть каждого. Этим ужасом она парализовала свою жертву. Ваня замер, не в силах и шевельнуться. Ведьма протянула свои синюшные неправдоподобно длинные руки со звериными когтями на пальцах. Её жуткая образина с крючковатым щербатым носом выражала злорадную улыбку, обнажавшую жёлтые клыки. Когтистые руки впились мальчику в горло. Он задрожал. От дыхания ведьмы веяло мертвечиной. Ваня стал задыхаться.

– Неужели это всё? Конец? – Он в одно мгновенье вспомнил свою жизнь: радостную, весёлую, беззаботную, легкомысленную и оттого гладкую, но и беспокойную, не приносящую удовлетворения. Вспомнил друзей, которых ему нравилось подавлять своей властью, учителей, которых обманывал, грубил им, потому что боялся унижения. Боялся потерять авторитет и власть, завоёванное положение. Боялся, что будет обнажён и разоблачён, что вдруг окажется никем, во всяком случае не тем, кого из себя мнит. Вспомнил родителей, к которым он относился достаточно безразлично, как к приложению к его непонятной, уже далеко не детской, но ещё не взрослой жизни. И вот теперь он никто, потому что раздавлен ужасом и умирает в полном бессилии. Неужели он так и жил никем. Тогда почему и зачем он жил? Тогда кем-то он всё-таки должен быть?! Кто же он?!

И тут Ваня почувствовал внутри себя приятное шевеление; какая-то светлая, тёплая сила цветком пробуждалась в нём. Это была ясная, ласкающая, жизнерадостная сила. Захотелось жить. Жить полно, как никогда прежде. Теперь он понял, что жить можно иначе, с ясностью, открыто. Жить без страха, с улыбкой.

Казалось, что дышать уже давно нечем, сознание помутилось и вот-вот исчезнет совсем. И в проснувшейся жажде новой бесстрашной жизни Ваня собрал всю волю, перехватил душащие его мерзкие руки и закричал:

– Не-е-ет!!

Он кричал ведьме, страху, смерти – всему, что мешало свободно дышать и жить. Но не крик, а что-то светлое, чистое, радостное вырвалось наружу…

И тут… Ваня проснулся. Именно проснулся от тяжёлого, кошмарного сна. Но проснулся он совершенно необычно. Помутившееся, меркнущее сознание вернулось и вспыхнуло новым ярким светом. Он открыл глаза. Страх исчез, чувствовалась сила пробудившейся жизни. Ведьма вдруг скорчилась, разжала цепкие пальцы, руки её ослабели, и она стала таять, как снег от жаркого солнца. Она пропала в никуда, растаяла, словно её и не было. И напротив, теперь стало ясно, что её больше не будет, потому что её приход

больше не нужен, он уже ничего не изменит. От неё теперь можно было отмахнуться как от назойливой мухи. Ни одна ведьма не вытерпит такого отношения и исчезнет от стыда.

Ваня осмотрелся. Оказалось, что утро уже наступило. Вокруг было светлее, чем обычно, краски ярче и запахи отчётливее. Спать не хотелось. По телу разливалось бодрящее тепло. Он подмёл в избе, вынес мусор и тщательно вымыл пол. Затем всё протёр от пыли и снял из углов паутины с паучками. В избе приятно запахло свежестью.

* * *

На этом благополучном исходе можно было бы и завершить сказку. Однако надо же добавить что-то и от нынешнего времени, от нового времени. Ведь до сих пор, кроме последнего эпизода внутреннего пробуждения Вани, повествование основывалось на том тяжёлом давешнем сне, с которого я начал свой рассказ. Но как завершился кошмарный сон Ванюши, так завершился и мой авторский сон. Вспоминаю, как я консультировался у одного специалиста по аюрведической медицине. Он посмотрел мой гороскоп и сказал: «До сих пор ваша жизнь проходила как во сне». В конце концов мне удалось пробудиться для другой жизни. Более того, теперь очередь просыпаться от кошмарного сна подошла и для других людей. Поэтому хочется добавить к рассказу маленькое продолжение о другой ясной, светлой жизни.

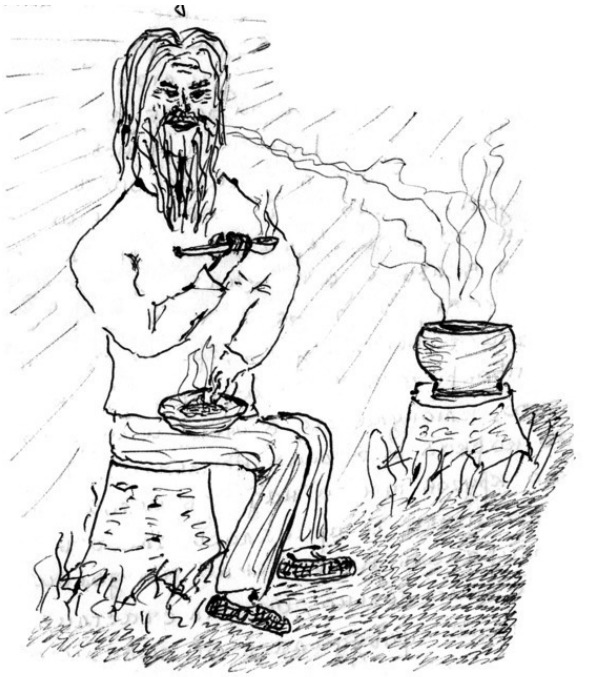
* * *

Ванюше очень захотелось навести чистоту в избе. Он даже приготовил завтрак сам впервые в жизни. Очень захотелось позаботиться о дедушке Лёше, ведь скоро он придёт уставший и голодный после своей лесной работы. И всё у мальчика получалось легко, непринуждённо, он испытывал настоящее удовольствие от того, что делал. Ведь от чистоты и заботы о других и самому легче и теплее на душе. Именно этим чувством был движим Ванюша. Теперь его никто не заставлял что-то делать, и он никого не боялся.

Как не правы те, кто не верит в светлые чувства человека, считая, что его то и дело надо принуждать, наказывать. Не правы те, кто считает человека неисправимо ленивым и бездельником. Оказывается надо только раскрыться или пробудиться. А для этого надо перестать обманывать себя и других, надо побороть в себе страх, победить в себе ведьму. Тогда человек раскрывается в бесстрашии, и ему хочется жить чисто, красиво, свободно, созидательно. Какая тут может быть лень?! Ведь человеку хочется жить и созидать! Лень есть лишь тогда, когда человек боится жить свободно.

Дедушка Лёша действительно пришёл очень уставшим, но глаза его блестели радостью и теплом. Он издалека почуял приятный, аппетитный аромат только что приготовленной пищи. А ещё он уловил в этом аромате светлую перемену, произошедшую с Ванюшей, что и было самой приятной вестью.

Лёша уселся на пень к чугуну с варевом, молча покачал головой, крякнул и принялся наполнять свою миску. Как он ни силился, всё же не мог скрывать свои чувства и машинально с явным удовольствием втягивал носом тёплый ароматный пар. С таким же удовольствием он ел, то и дело облизывая ложку. Когда миска опустела, дед выскреб её дочиста, задумался в нерешительности, а потом вдруг решительно запустил ложку в чугунок и наложил себе вторую порцию. Ваня при этом ел, тихо и скромно поглядывая из-под бровей на реакцию деда. Когда тот принялся за вторую порцию, Ваня расплылся счастливой улыбкой.



Лёша так же тщательно вылизал ложку и выскреб миску, наконец насытившись. Тогда он весело подмигнул Ване и рукой поманил его к себе. Мальчик подошёл. Тогда дед Лёша ласково посмотрел ему в глаза и крепко обнял. Прижимая Ваню к своей щеке и нежно гладя его по волосам, он проговорил: «Ай, молодец». Ваня растрогался от нахлынувшей на него ласки, нежности, теплоты, которую он ещё никогда не испытывал, и расплакался на дедушкином плече. Дед вытер ему своим рукавом слёзы и сопли: «Ничего, теперь всё хорошо, всё хорошо, мальчик мой». Ваня вдруг посерьёзнел и сказал: «Воронушку жалко, не уберёг я её».

Дед внимательно, испытующе посмотрел на него и с сомнением спросил:

– А ты посмотрел, как она там? Может она того… проснулась? Поди-ка, взгляни.

Ваня изумился неожиданному предположению. А ведь и впрямь, всякое может быть. Он подошёл к месту захоронения, осторожно раздвинул кусты, разгрёб ветки, прикрывающие ворону и стал прислушиваться и присматриваться в надежде обнаружить признаки жизни. И… чудо… Кажется, у вороны дёрнулось веко. Точно! Вот оно подёргалось опять и глаз приоткрылся, затем закрылся вновь, словно не поверив тому, что он открылся. Через несколько мгновений глаз открылся вновь и завращался, убеждаясь, что всё происходит наяву и что бояться больше нечего. Тут ворона вскочила, встрепенулась, громко каркнула, словно хотела прокричать «ку-ка-ре-ку-у», вскочила Ване на плечо, клюнула его в щёку и шумно взлетела, громко каркая и хлопая крыльями. Она совершила несколько кругов почёта над избушкой, приземлилась Ване на плечо и принялась клевать его в щёку, будто собиралась непременно продолбить дырку. Но Ване не было больно, он был счастлив тем, что ворона тоже пробудилась от парализовавшего её страха, он знал, что у неё просто такая манера целоваться от радости, вот она и клюётся мягко и нежно.

На следующий день дедушка Лёша, вновь обнял Ваню и сказал ему:

– Вот и всё. Пришло время прощаться, мальчик мой. Тебе пора возвращаться домой, жить среди людей. А я с вороной теперь ухожу насовсем в иные дремучие леса. Я своё дело здесь выполнил. Передавай мой последний привет своим маме и папе, и пусть меня больше не ищут. Так и передай, что я ушёл. Ну, ступай, Ванюша. Тропинка сама приведёт тебя к дому. Иди, не мешкай.

Ворона тоже одобрительно каркнула на прощанье и, закрыв глаза, уткнулась клювом в косматую бороду деда, чтобы больше не затягивать тяжёлое прощание.

Ваня мешкать не стал. Он только сказал:

– Спасибо, дедушка. Прощайте. Я всегда буду помнить вас.

Затем он помахал им рукой и, решительно повернувшись, бодро зашагал по тропинке, уходящий в глубокий лес. Он даже ни разу не обернулся.

* * *

Родители очень обрадовались возвращению сына здорового и невредимого. Пётр Петрович удовлетворительно заметил:

– Ну вот, я же говорил, что дед надёжный.

Ваня рассказал, что дедушка Лёша велел передать последний привет и сообщить, что он ушёл насовсем.

– Видно, помирать задумал, – предположил отец и добавил: – А жаль, пожил бы ещё, надёжный был дед.

Отец сразу заметил в сыне какую-то положительную перемену. Ему показалось, что Иван тоже стал надёжным, будто дед Лёша передал ему эту свою надёжность. Ваня порой озадачивал и удивлял родителей своей уверенностью в суждениях и недетской мудростью. Пётр Петрович удивляясь то и дело качал головой и мысленно произносил:

– М-да, надёжный был дед.

Сын стал активным, деятельным, быстрее матери стал прибираться в квартире, отчего Марья Николаевна начинала чувствовать себя неловко. Она пыталась остановить Ваню:

– Оставь, сынок, я сама всё сделаю, а ты отдыхай, уроками вот займись.

На это Ваня твёрдо отвечал:

– Уроки у меня готовы, а уборка мне на пользу, люблю, чтоб чисто было и порядок был. Так и на душе легче.

– Надо же, на душе легче, – задумывалась мать, – и откуда у него это?

Однажды Ваня серьёзно озадачил отца неожиданным признанием:

– Знаешь, папа, а я курить бросил, совсем. Я понял, что курят от страха и слабоволия, а я теперь сильный.

Пётр Петрович так рот и раскрыл и покраснел до ушей. После этого он стеснялся курить даже на лестничной площадке, чтобы Иван не заметил. Уж очень сильно въелись Ванины слова.

– Что же это, Ваня сильный, а я что слабак что ли?

Постепенно ситуация в доме стала странным образом складываться наоборот, чем прежде. Теперь родители начали всё больше учиться у Вани, перенимая все черты его характера. Как не перенять, ведь нельзя же было быть слабее сына.

В школе среди одноклассников авторитет Вани вырос ещё больше. Теперь пацаны стали восхищаться его твёрдостью, справедливостью, уважительным отношением. Они перестали его бояться, как боялись раньше из-за того, что он мог кого-либо унизить. Теперь напротив, Иван сам относился к ним с уважением и другим не позволял никого унижать. Ведь сила в достоинстве человека. А сильные люди – это красивые люди, честные, благородные. Все пацаны как один бросили курить. Как оказалось, в этом вовсе нет ничего интересного и даже ничего кайфового – одна дурость. Куда приятнее дышать чистыми лёгкими и свежим воздухом. «Курилка» – это прозвище стало самым зазорным клеймом. Это значит слабак, квашня и размазня – даже курить бросить не может. Надо ведь воспитывать сильную волю. Решил не курить, значит, всё – навсегда, чтобы даже мысли не возникало, вот это будет сила. И интересно получалось, что таким волевым решением можно добиться всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.